

Маркевич Болеслав Михайлович

Бездна. Правдивая история

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
Бездна. Правдивая история: Часть 2 / Маркевич Болеслав Михайлович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 316 с.

ISBN 978-5-519-95428-0

ISBN 978-5-519-95428-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Все тотъ же вы?

— Зачѣмъ мѣняться мнѣ!

Горе отъ ума.

Владиміру Петровичу Ашанину уже перевалило за пятьдесятъ лѣтъ, но „безплощадное крыло времени“, какъ говорилось встарь, коснулось лишь словно рго форма этого „баловня природы“ съ той поры когда мы впервые познакомились съ нимъ, благосклонный читатель мой. Въ порѣдѣвшей довольно замѣтно шалкѣ его волосъ начинали кое-гдѣ проглядывать серебряныя нити, но волосы эти все такъ же живописно кудрявились вокругъ смуглаго, все еще свѣжаго чела и большіе черныя глаза горѣли все тѣмъ же юношески пылкимъ, соблазняющимъ женщинъ огнемъ, какъ въ тѣ давніе минувшіе годы когда въ полупрозрачной тѣмѣ майскихъ ночей поджидалъ онъ Ольгу Акулину въ аллеяхъ Суцкаго. „Обломокъ старыхъ поколѣній“, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ традиціямъ своего былаго донъ-жуанства и, вопреки всякимъ „новымъ вѣяніямъ“, лѣвлялъ теперь *демократокъ*-дочекъ все тѣми же вкрадчиво дерзкими приѣмами обольщенія какими въ оны дни завоевывалъ сердца маменокъ „барынь“. Въ свѣтъ онъ давно пересталъ ѣздить, да и какой же теперь „свѣтъ“ въ Москвѣ? А въ послѣднее время всѣ часы остававшіеся у него свободными отъ занятій по театру проводилъ въ *Стрѣльнѣ* за Тверскою заставой, или въ одномъ скромномъ домикѣ на Патріаршихъ прудахъ: очень ужъ любилъ Владиміръ Петровичъ цыганское пѣніе за этотъ годъ...

Мы застаемъ его въ настоящую минуту у себя дома, въ его изящно убранной, холостой квартирѣ въ мѣстности со-
сѣдней съ Большою Дмитровкой. Десять часовъ только-что
пробило въ его кабинетѣ, отдѣлявшемся отъ спальни боль-
шою ковровою занавѣсью. За нею, въ спальнѣ, происходитъ
обычное здѣсь утреннее священнодѣйствіе. Дюкій русскій
парикмахеръ Федоръ, переименовавшій себя „для репутаціи“
во французскаго „Théophile, coiffeur“, *наводитъ красоту*
на своего кліента: брѣшетъ ему подбородокъ, подвиваетъ усы
и выливаетъ на его расчесанную волосокъ къ волоску голо-
ву цѣлый флаконъ *eau athénienne*... Но вотъ онъ кончилъ.
Старый красавецъ, оглянувъ себя въ послѣдній разъ въ ши-
рокое туалетное зеркало у котораго сидѣлъ, скинулъ съ
плечъ лудермантель и, отпустивъ „Теофила“, направился въ
уголъ къ висѣвшей тамъ большой иконѣ Спасителя, предъ ко-
торою теплилась неугасимая лампада, и сталъ благоговѣнно на
молитву, обернувшись спиной къ увѣнчанной гроздіями голо-
грудой вакханкѣ, глядѣвшей пьяными глазами съ противопо-
ложной стѣны... Тотъ же двойственный характеръ набожности
и *грѣховности* носило и все остальное здѣсь: на столѣ предъ
зеркаломъ, между цѣлою массой англійскихъ цетоковъ, чере-
шковыхъ гребней, ногтяныхъ лилокъ и всякихъ иныхъ при-
надлежностей тщательнаго туалета, гранатовыя четки лежа-
ли рядомъ съ маленькимъ блѣднорозовымъ башмачкомъ, оче-
видно скинутымъ „на память“ съ ножки молоденькой бале-
рины; перламутровыя крестики изъ Іерусалима, финифтяные
образки отъ кіевскихъ святынь висѣли надъ кроватью по-
крытой жемчужнаго цвѣта атласнымъ одѣяломъ, расшитымъ
по краямъ гирляндой розъ изъ сирени и съ огромнымъ
вензелемъ владѣльца его по срединѣ, работа и подарокъ
влюбленной мастерицы рукодѣля. Запахъ лампаднаго масла
пробивалъ сквозь своеобразный букетъ только-что откуло-
ренной большой сткланки духовъ, содержавшей въ себѣ
какую-то смѣсь иланъ-иланга, ландыша и вервены, которую

Ашанинъ приготовлялъ самъ по изобрѣтенному имъ особому рецепту... Во всемъ этомъ было что-то невольна говорившее о тилахъ *кавалеровъ* давно исчезнувшихъ временъ когда религіозный энтузіазмъ и земныя страсти переплетались органически въ какое-то одно, цвѣтистое цѣлое. Недаромъ прозывалъ Ашанина „un raffiné * du temps de la Saint-Barthélemy петербургскій пріятель его, князь Щенятевъ, большой зубоскалъ, острословъ и неудачникъ...

Въ кабинетъ ждали хозяина похолодѣвшій уже стаканъ чая и актеръ Ростиславцевъ, сѣдовласый и добродушный мудрецъ, за потерей голоса перешедшій безъ малѣйшаго неудовольствія съ амбуа перваго тенора московской оперы на роли *податчика писемъ* и *гостя* въ труппѣ Малаго Театра, совершенно довольный пятью рублями разовыхъ которые получалъ за выходъ, благодаря особому предстательству за него Ашанина. Онъ, въ изъясненіе благодарности и преданности Владиміру Петровичу, являлся къ нему аккуратно каждый день въ десять часовъ утра, присаживался къ круглому столу за которымъ тотъ отпивалъ свой чай изъ стакана медленными глотками, дымя въ интервалахъ изъ пѣнковой трубки, изображавшей нагую сирену съ рыбьимъ хвостомъ; вынималъ изъ стоявшаго тутъ же футляра затасканныя отъ частаго употребленія карты и принимался за пасьянсъ, за которымъ хозяинъ въ свою очередь слѣдилъ зоркими глазами. Разговоры между ними были коротки и относились исключительно къ ихъ домашнимъ, театральнымъ дѣламъ. Съ первымъ ударомъ одиннадцати часовъ Ростиславцевъ также аккуратно вставалъ, раскланивался и отправлялся на релетицію.

* Названіе *raffinés*, или болѣе опредѣлительно, *raffinés d'honneur* носили во Франціи въ царствованіе Карла IX придворные молодые люди отличавшіеся особливимъ изяществомъ и вкусомъ своихъ костюмовъ, многочисленностью любовныхъ приключеній и количествомъ противниковъ убитыхъ на дуэли. Это были *лэзы* той эпохи.

Не видя у себя утромъ за пасьянсомъ Ростиславцева Ашанинъ по всей вѣроятности удивился бы въ такой же мѣрѣ какъ есlibъ ему сказали что воры прошедшею ночью похитили Царь-лешку изъ Кремля.

— Здравствуйте, Петръ Михайловичъ, говорилъ онъ, выходя, омовенный тѣлесно и духовно изъ спальни и сядя на свое плетеное кресло у стола;—что новаго?

— Три декорации разрѣшено написать для новаго балета, отвѣтилъ тотъ, укладывая червонную даму на трезоваго короля.

— Вы почему знаете? быстро спросилъ Ашанинъ;—у насъ офиціально ничего нѣтъ изъ Петербурга.

— Шрамъ, декораторъ, письмо получилъ, встрѣтилъ его сейчасъ идущи сюда; самъ хотѣлъ къ вамъ быть съ этимъ, пріятель у него тамъ въ конторѣ есть: вмѣсто семи, лишить, декораций на какія просятъ у васъ въ Москвѣ разрѣшенія, баронъ согласенъ на три, а представленную смѣту въ десять тысячъ изволилъ сократить на двѣ съ половиной.

— Я зналъ это, съ какою-то словно торжествующею улыбкой проговорилъ на это Ашанинъ.

Ростиславцевъ поднялъ на него съ изумленіемъ глаза:

— Какъ такъ, вѣдь вы, говорите, ничего офиціально не получали?

— Я и не офиціально... Варвара Аванасьевна открыла, примолвилъ какъ бы таинственно старый красавецъ.

— Гадалка? въ самомъ дѣлѣ? давно это?

И отставной теноръ, смѣшавъ карты не вышедшаго пасьянса, принялся торопливо тасовать ихъ, не отрываясь взглядомъ отъ своего собесѣдника, откровение котораго видимо заинтересовало его.

— Вчера заѣзжалъ къ ней предъ театромъ... Есть тутъ одно обстоятельство безпокоющее меня, примолвилъ слегка морщась Ашанинъ.

— Насчетъ Зильбермана? участливо спросилъ Ростиславцевъ.

Тотъ махнулъ рукой:

— Я о немъ и думать забыть! Коли отсрочить не хочетъ, пусть подаетъ ко взысканію... Пусть всё они подаютъ! Рано ли, поздно ли, одинъ конецъ—олишутъ... Нѣтъ, я о другомъ...

Ростиславцевъ качнулъ головой: знаю-молъ о чемъ.

— Такъ что жъ вамъ Варвара-то Аеанасьевна напорошила?

— Я вамъ говорю, просто удивительно что за даръ прозрѣнія у этой женщины! Глядитъ въ гущу—она на кофейной гущѣ гадаетъ—будто въ зеркалѣ все такъ и проходитъ предъ ней... „У васъ, говоритъ, много теперь заботъ всякихъ и безпокойства, только вы напрасно не тревожьтесь, потому все это должно къ вашему удовольствію кончиться. Перво-на-перво, говоритъ, женщина тутъ одна, съ которою вы въ близости состоите, брюнетка, лѣвица она или изъ актеровъ, не знаю, а только не изъ вашего дворянскаго сословія показывается... И молодая она, изъ себя красивая и большую къ вамъ преданность имѣетъ.“ „Сколько времени, можете сказать, спрашиваю, состою я съ этою женщиной въ близости?“ „Въ августѣ четыре года будетъ“, отвѣчаетъ. Именно такъ, какъ вамъ извѣстно.

— Удивительно! воскликнулъ Ростиславцевъ, слегка даже перемѣняясь въ лицѣ подъ вліяніемъ суевѣрнаго чувства.

Ашанинъ, съ выраженіемъ подобнаго же суевѣрнаго благоговѣнія въ чертахъ и тонѣ голоса, продолжалъ:

„— Вы, говоритъ, сами спервоначала очень любили эту женщину и привыкли, но теперь она вамъ въ тягость, а вамъ совѣсть мѣшаетъ кинуть ее и отъ этого самого вы себѣ покою не знаете. Только все это неожиданно для васъ развяжется какъ нельзя лучше, такъ что вы сами удивитесь.“ „Какъ же это можетъ развязаться?“ спрашиваю я ее опять. „Очень просто: такой будетъ случай что она васъ будетъ ожидать къ себѣ по обѣщанію, а вы не пріѣдете; она

очень разсердится за это и сама пожелает разойтись съ вами...”

— Что же, Владиміръ Петровичъ, воскликнулъ прерывая Ростиславцевъ,—если такъ, то дѣйствительно чего же лучше! Съ одной стороны Зильберманы всякіе, а тутъ женщина на рукахъ... Коли сама васъ развяжетъ, благословляйте Создателя...

Старый Донъ-Жуанъ усмѣхнулся:

— Погодите, я не досказалъ. Разрывъ, какъ уже знаете, долженъ произойти изъ-за того что я не приѣду *кз ней* по обѣщанію, но главная тутъ причина „другая женщина“...

— Ну такъ! комически вздохнулъ отставной теноръ.

— И это въ связи съ представленіемъ моимъ въ Петербургъ о декорацияхъ для новаго балета.

Ростиславцевъ даже руками всплеснулъ:

— Что вы! все это она въ гущѣ видитъ?

— „Показываетъ“, повторяя выраженіе Варвары Афанасьевны, подтвердилъ Ашанинъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ несомнѣнности такого „показанія“ кофейной гущи.—„Вы, говорите, хлопчете на счетъ какихъ-то денегъ и будто какъ бы не для себя собственно, а въ какомъ-то чужомъ интересѣ. Деньги эти вы получите, только не всѣ, и узнаете объ этомъ чрезъ одну молодую даму, а въ скорости послѣ того изъ-за самой этой дамы выйдетъ у васъ ссора съ вашимъ предметомъ.“

— Что за притча! засмѣялся Ростиславцевъ,—дама-то эта выходитъ—я; потому объ отказѣ барона сообщено вамъ сейчасъ мною.

Въ кабинетъ въ эту минуту донесся изъ передней звонъ колокольчика, и вслѣдъ за тѣмъ вошелъ въ комнату дежурный капельдинеръ въ придворной ливреѣ, съ письмомъ и визитною карточкой въ рукѣ.

Анастасія Дмитріевна Ларина, прочелъ Ашанинъ на карточкѣ, взглянулъ на письмо... „Отъ Оммянскаго“, быстро

выговорилъ онъ, взглянувъ на Ростиславцева, вскрылъ поспѣшно конвертъ и обращаясь къ дежурному:

— Попроси эту госпожу въ гостиную! приказалъ онъ и принялся читать. Но едва пробѣжавъ первыя строки, онъ задрожавшею мгновенно рукой протянулъ письмо Ростиславцеву:

— Читайте: вѣрно или нѣтъ *видитъ* Варвара Аванасьевна.

Письмо было изъ Петербурга отъ состоявшаго въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Ашанинымъ секретаря всевластнаго въ ту пору въ театральномъ вѣдомствѣ лица и начиналось такъ:

„Пользуясь случаемъ отъѣзда подательницы, гжи Лариной, которая сама изъяснитъ вамъ о предметѣ своихъ желаній и для которой, не сомнѣваюсь, вы сдѣлаете все что отъ васъ зависитъ, какъ и для всѣхъ кто только прибѣгаетъ къ вамъ, я со своей стороны считаю не безполезнамъ извѣститъ васъ, до полученія вами формальнаго о томъ извѣщенія, что на послѣднее представленіе ваше о новыхъ декораціяхъ его высокопревосходительство...“ Слѣдовало буквальное повтореніе того что писалъ декоратору Шраму пріятель его изъ той же канцеляріи главнаго театральнаго управленія.

— Удивительно! повторилъ спирающимъ голосомъ отставной теноръ, нервно дернувъ плечомъ.

Ашанинъ принималъ очень горячо къ сердцу всѣ интересы театра, и скарёдничанье барона, постоянно отказывавшаго, въ прямой ущербъ дѣйствительныхъ выгодъ дѣла, тамъ гдѣ расходы на оное представлялись совершенно необходимыми, приводило его всегда въ крайнее раздраженіе. Но въ настоящемъ случаѣ чувство досады сводилось у него на „нѣтъ“ въ виду того удовлетворенія которое доставляло ему „поразительное“ доказательство несомнѣннаго пророческаго дара гадалки, въ совѣщаніяхъ съ коею онъ проводилъ цѣлыя часы по нѣскольку разъ

въ недѣлю; онъ, чуть не ликуя, направился своими торопливо-мелкими шажками въ гостиную, гдѣ его ожидала госпожа Ларина.

Это была еще весьма молодая, но съ усталымъ, блѣднымъ и худымъ лицомъ особа, одѣтая въ скромное, хорошо скроенное, шерстяное платье темнаго цвѣта и въ такой же скромной, но свѣжей шляпкѣ съ полуопущенною вуалеткой, сквозь которую сквозили большіе и прекрасные, сколько можно было судить, глаза.

— Не знаю, узнаете ли вы меня, Владиміръ Петровичъ? проговорила она, увидавъ его и подымаясь съ турецкаго дивана роскошно расшитаго шелковыми узорами по красному сукну, какъ и вся остальная мебель этой парадной пріемной пожилаго московскаго Донъ-Жуана.

— Ахъ, Боже мой, конечно! воскликнулъ онъ, протягивая руку и дружески пожимая ея тонкіе пальцы:—карточка ваша мнѣ ничего не сказала; *Лариной* я никакой не знаю, но по голосу и лицу узналъ васъ съ первой минуты... Вы замужъ вышли вѣроятно съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ здѣсь—тому два года кажется?—на этомъ самомъ мѣстѣ, примолвилъ Ашанинъ, съ ласкательнымъ оттѣнкомъ въ улыбкѣ и тонѣ рѣчи.

Она усмѣхнулась слегка:

— Нѣтъ, я все также не замужемъ; *Ларина*—мой театральнй псевдонимъ... который я возобновляю теперь, примолвила она сквозь слезы.

— Возобновляете? повторилъ вопросительно Ашанинъ.

— Да, я цѣлый годъ... я была за Дунаемъ во время войны, какъ бы застыдясь объяснила она.

— Въ Красномъ Крестѣ?... И вернулись оттуда цѣлы и здоровы? спросилъ онъ съ живымъ участіемъ.

— Нѣтъ, у меня былъ тифъ... какъ у всѣхъ тамъ, добавила она съ новою легкою усмѣшкой,—но, какъ видите, жива... Я изъ Петербурга привезла вамъ письмо отъ господина Отмянскаго, послѣшила она переменить разговоръ.

— Какже, благодарю васъ очень! Онъ мнѣ пишетъ прося о моемъ содѣйствіи вамъ... Но въ чемъ—вы сами мнѣ должны объяснить, говоритъ онъ... Для этого мнѣ рекомендаціи его не нужно, молвилъ улыбаясь Ашанинъ,—мы съ вами старые знакомые и чрезъ посредство человека котораго я ото всей души люблю и уважаю, Бориса Васильевича Троекурова... Давно не было его въ Москвѣ, и я въ последнее время не имѣю о немъ никакихъ извѣстій... А вы?

— Я слышала, онъ за границей съ дочерью.

— Сами вы не были въ его мѣстахъ?

— Нѣтъ, я прямо изъ Болгаріи проѣхала въ Петербургъ съ общиною сестеръ въ которой состояла.

— Навидались вы тамъ всякихъ ужасовъ, за Дунаемъ, воображаю, сказалъ Ашанинъ, все внимательно вглядываясь въ свою собесѣдницу.

— Да, подтвердила она,—но съ тѣмъ вмѣстѣ пришлось видѣть столько самоотверженія, покорности, столько (она какъ бы искала выраженія)... святыхъ чувствъ что о темныхъ сторонахъ забываешь... Нельзя не полюбить ото всей души русскаго простаго человека когда узнаешь его такъ какъ *намъ* дано было узнать его теперь, пояснила дѣвушка. Въ голосѣ ея слышалась трогательная нота; она приподняла вуалетку, и предъ Ашанинымъ сверкнули какъ двѣ звѣзды ея загорѣвшіеся глубокіе каріе глаза.

Онъ видѣлъ ихъ тому два года эти глаза, это все такъ же какъ и теперь блѣдное и выразительное лицо, но они въ ту пору не произвели на него никакого впечатлѣнія. Въ настоящую же минуту онъ чувствовалъ что его „подмываетъ“, какъ выражался онъ внутренно. „Изъ за *этой* женщины“, по предсказанію Варвары Аванасьевны, долженъ былъ произойти у него разрывъ съ тою „*фараонкой*“* изъ Стрѣльны, которую „совѣсть не позволяла ему до сихъ поръ покинуть“, и онъ глядѣлъ теперь на эту ниспосылаемую ему таинственной

* Выраженіе Полежаева.

судьбой „избавительницу“ съ полною уже готовностью предоставить ей со своей стороны всякое право и основаніе способствовать его *избавленію*.

— Вы надолго теперь въ Москву? поспѣшилъ онъ спросить въ соотвѣтствіе тому что роплохъ у него теперь въ головѣ.

— Это будетъ отчасти отъ васъ зависеть, отвѣчала она на это какъ бы не совѣмъ увѣренно.

— Отъ меня? Въ такомъ случаѣ вы отсюда никогда не уйдете! воскликнулъ Ашанинъ, и лицо его, по давнишней привычкѣ, приняло тотчасъ же то елейно вызывающее выраженіе, наломившее нѣсколько *заигрываніе* старой кокетки, которое до сихъ поръ производило, какъ онъ зналъ, неотразимый эффектъ на женщинъ удостоиваемыхъ имъ своего вниманія.

Но дѣвушка въ отвѣтъ на это взянула на него такимъ „невинно“ удивленнымъ взглядомъ что ему стало тутъ же совѣстно (ему припомнилось письмо отъ Бориса Васильевича Троекурова которое она привезла ему въ первый разъ и мѣсто въ этомъ письмѣ гдѣ говорилось о „полномъ *уваженіи* и участіи коихъ достойна эта молодая особа“), и, олутивъ свои лукавые глаза, онъ продолжалъ уже надлежащимъ тономъ:

— Съ Краснымъ Крестомъ вы теперь покончили и думаете опять на сцену, такъ ли?

— Да.

— Имѣете вы ангажементъ куда-нибудь?

— Я бы могла, еслибы захотѣла, поступить опять въ *** (Ларина назвала одинъ изъ большихъ русскихъ университетскихъ городовъ): тамошній антрепренеръ очень просилъ меня объ этомъ когда я собралась въ *сестры*...

— Вы тамъ большой успѣхъ имѣли, я знаю, перебилъ ее Ашанинъ: — васъ видѣлъ одинъ мой знакомый въ *Мари Стюартъ* и отзывался съ восхищеніемъ о вашей игрѣ.

Лицо Лариной заалѣло слабымъ румянцемъ: отзывъ этотъ